

5

ОТЧЕТЪ

о заграничной командировкѣ на лѣтнее вака- ціонное время 1902 года

и. д. доцента *В. Тарановскаго.*

Прямая цѣль моей поѣздки за границу заключалась въ дальнѣйшемъ собираніи матеріала для приготовляемой мною магистерской диссертации. Задачею послѣдней является изслѣдованіе одной изъ существенныхъ частей методологіи государственной науки, именно, — вопроса о примѣненіи къ изученію государства юридическаго метода. Господство послѣдняго въ т. н. юридическомъ направленіи государственной науки представляетъ собою явленіе столь знаменательное и значительное по своимъ послѣдствіямъ и вліянію, что несомнѣнно испытывается настоятельная потребность въ специальномъ методологическомъ его изученіи¹⁾. Представители юридическаго направленія, возникшаго въ нѣмецкой наукѣ съ середины прошлаго столѣтія, невольно или же умышленно приписываютъ себѣ значеніе абсолютныхъ новаторовъ, и самое направленіе представляется, благодаря этому, чѣмъ то оторваннымъ отъ общей эволюціи научной мысли, явившимся сразу въ полномъ вооруженіи, словно Минерва изъ головы Юпитера

¹⁾ Именно этой потребностью вызвана новѣйшая Geschichte der staatsrechts wissenschaft эрлангенскаго профессора Rehm'a (1896 г., см. Marquardien's Handbuch des öffentlichen Rechts der Gegenwart, Einleitungsband, I. Abtheilung). Къ сожалѣнію, въ этомъ прекрасномъ трудѣ отведено черезчуръ мало мѣста новому времени, наиболѣе важному для нашего вопроса.

Воскр. Губ. Изв. 1902. VIII.

или словно таинственный *deus ex machina*, призванный положить конец „безплодной спекуляціи“¹⁾, отрубить голову „чудовищу диллентантизма“, и вывести науку государственного права на путь строго положительный. Ближайшее изученіе вопроса показываетъ, однако, что новоявленное юридическое направленіе имѣетъ глубокіе корни въ довольно далекомъ прошломъ нѣмецкой науки государственного права. Отыскать эти корни, изслѣдовать почву, питавшую ихъ, прослѣдить развитіе пущенныхъ ими ростковъ, разросшихся затѣмъ въ могучее дерево съ буйными вѣтвями, пышнымъ цвѣтеніемъ и обильными плодами,—все это входитъ въ задачу научной работы, занимающей меня уже довольно продолжительное время.

По характеру работы основнымъ матеріаломъ изслѣдованія являются догматическія сочиненія по нѣмецкому государственному праву, начиная съ XV вѣка. Само собою очевидно, что для возможной полноты такого матеріала приходится ѣздить за нимъ на мѣсто,—въ Германію, куда я и направился прошлымъ лѣтомъ. Для постоянного пребыванія и занятій я избралъ Гейдельбергъ какъ вслѣдствіе богатства его университетской бібліотеки, такъ и на томъ основаніи, что каведру государственного права въ Гейдельбергскомъ университетѣ занимаетъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ и крупныхъ представителей юридического направленія—профессоръ Георгъ Іеллинекъ.

Гейдельбергская бібліотека, принадлежащая одному изъ стариннѣйшихъ университетовъ Германіи, особенно богата сочиненіями по государственному праву и государствовѣднію вообще. Грабежъ, которому она подверглась во время тридцатилѣтней войны со стороны католической арміи, менѣе всего коснулся этого отдѣла, къ которому, въ свою очередь, относится большая часть книгъ, возвращенныхъ Гей-

¹⁾ Сознаніе несостоятельности послѣдней было довольно распространено и высказывалось еще въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія. І. Вейцель посвящаетъ отдѣльный параграфъ своей Исторіи государственной науки ироническому описанію воображаемаго конгресса спекулятивныхъ философовъ и государствовѣдцевъ Германіи, обсуждающихъ реформы государственного права. Въ фантастическомъ учредительномъ собраніи принимаютъ участіе Кантъ, Фихте старшій, Гуго, Адамъ Мюллеръ, Фр. Шлегель и Гегель. Говорили безъ конца, не признавая и не желая понять другъ друга. Закрывая собраніе, авторъ могъ резюмировать пренія только въ заявленіи слѣдующаго рода: „*Möchten Sie, meine hoch gelehrten und besonders hochverehrten Herren, in dem allseitigen Streben, das Rechte und Gute zu begründen, nie ermüden*“. См. *I. Weitzel, Geschichte der Staatswissenschaft, Zweiter Theil, Stuttgart und Tübingen, 1833.*, § 56: *Constituierende Versammlung deutscher Staatsgelehrten*, S. 325. и слѣд., особенно, S. 333.

дельбергскому университету Ватиканомъ въ 1815 — 1816 гг. Пользованіе библіотекой въ высшей степени удобно какъ вслѣдствіе легкости доступа къ нему, такъ и благодаря образцовой каталогизаціи. Для полученія книгъ на домъ лицами посторонними, т. е. не доцирующими и не матрикулированными въ Гейдельбергскомъ университетѣ, требуется поручительство одного жителя Гейдельберга, каковымъ можетъ быть и лицо женскаго пола, что весьма важно для пріѣзжихъ, такъ какъ большинство квартиръ въ Гейдельбергѣ содержатся женщинами, которыя и даютъ за своихъ жильцовъ необходимое поручительство. По такому поручительству, выражающемуся конкретно въ подписи выдаваемого библіотекою бесплатно печатнаго бланка, можно получить на домъ до десяти томовъ. Конечно, это количество книгъ является недостаточнымъ для болѣе обширныхъ изслѣдованій. Лица, нуждающіяся для такой цѣли въ большемъ количествѣ книгъ, должны обратиться къ одному изъ мѣстныхъ профессоровъ за удостовѣреніемъ, что они заняты спеціальной научной работой. Представленіе указанного удостовѣренія даетъ право на полученіе книгъ по мѣрѣ надобности, безъ какихъ бы то ни было ограниченій тѣмъ или другимъ количествомъ названій или томовъ. Благодаря любезности профессора Геллинека, я получилъ требуемое удостовѣреніе и вслѣдъ за нимъ разрѣшеніе „die Bibliothek in ausgedehntester Weise zu benutzen“. Такимъ то образомъ безъ какихъ бы то ни было засвидѣтельствованій личности и безъ всякаго залога, столь обременительнаго „хожденіемъ“ въ канцелярію, можетъ пользоваться библіотекой всякій „чужанинъ“, будь то fremd въ тѣсномъ смыслѣ или же Ausländer, безразлично.

Довѣріе оказывается при этомъ полное, и я получалъ на домъ безъ какой бы то ни было особой процедуры рѣдкія книги конца XV и начала XVI вѣка.

Пользованіе Гейдельбергской университетской библіотекой сильно облегчается ея образцовой каталогизаціей. Главнымъ достоинствомъ послѣдней является то, что кромѣ общаго алфавитнаго каталога имѣется еще въ ней каталогъ реальный, или предметный. Послѣдній устроенъ слѣдующимъ образомъ. Имѣется общее печатное оглавленіе въ видѣ большого тома in folio, въ которомъ подъ различными буквами помѣщены цѣлыя отрасли знаній, напримѣръ, — богословіе, зоологія, правовѣдѣніе, государственныя и камеральныя науки и т. д. Каждый изъ этихъ большихъ отдѣловъ раздѣленъ на значительное количество мелкихъ, соответствующихъ спеціальнымъ частямъ данной науки; противъ cadaго изъ послѣднихъ отдѣловъ и подраздѣленій указаны порядковыя нумера реального каталога, состоящаго изъ цѣлой сотни томовъ, рукописныхъ, съ передвижными карточками (на подобіе модныхъ въ настоящее время альбомовъ для от-

крытых писемъ съ видами). Приходится, положимъ, искать сочиненій по методологіи государственнаго права. Находимъ подъ буквою *I* правовѣдѣніе и видимъ, что методологія государственнаго права занимаетъ №№ 6452—6670. Узнавъ это, ищемъ тотъ томъ рукописнаго реального каталога, на корешкѣ котораго значится буква *I* и такія числа, въ предѣлахъ которыхъ находятся наши нумера. Отыскиваемъ въ этомъ томѣ № 6452 и, начиная съ него, просматриваемъ всѣ имѣющіяся въ библіотекѣ названія по методологіи государственнаго права. Существенно важно то, что въ отдѣлахъ реального каталога названія расположены не въ алфавитномъ, но въ хронологическомъ порядкѣ. Благодаря этому, каталогъ сразу даетъ картину внѣшней, такъ сказать, литературной исторіи даннаго вопроса. Для диссертаций и брошюръ имѣется въ Гейдельбергской библіотекѣ особый, притомъ только реальный каталогъ, что сильно облегчаетъ пользованіе этого рода литературой. Каталогъ диссертаций и брошюръ раздѣленъ только на крупныя отдѣлы: наукъ юридическихъ, медицинскихъ и т. д.; въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ названія расположены въ алфавитномъ порядкѣ фамилій авторовъ.

Въ пользованіи Гейдельбергской библіотекой ощущается только одно неудобство, именно, — то, что для чтенія на мѣстѣ она открыта всего лишь два часа въ день. Это неудобство предполагается устранить съ переходомъ библіотеки въ новое зданіе, которое строится и въ значительной части уже возведено.

По занимающему меня вопросу я нашелъ въ Гейдельбергской библіотекѣ обильнѣйшій матеріалъ, который конечно въ короткое время не удалось мнѣ использовать въ желательной мѣрѣ. Существующіе въ библіотекѣ пробѣлы легко восполняются выпиской при посредствѣ Гейдельбергской же библіотеки требуемыхъ сочиненій изъ другихъ книгохранилищъ, опять таки безъ всякаго залога, съ уплатою лишь незначительныхъ почтовыхъ издержекъ по пересылкѣ. Мнѣ самому пришлось получать нѣкоторыя книги, ознакомиться съ которыми необходимо было тотчасъ же въ данной именно связи, изъ Штутгартской королевской земской библіотеки и университетскихъ библіотекъ Тюбингена и Геттингена.

Пріѣхавъ я въ Гейдельбергъ 24 іюня (н. ст.), и такъ какъ лѣтній семестръ въ университетѣ кончается къ 1 Августа, то у меня была возможность посѣщать лекціи еще въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Чтобы не отнимать много времени, столь драгоценнаго въ виду кратковременности пребыванія, отъ моей непосредственной работы, я ограничился посѣщеніемъ ближайшимъ образомъ интересовавшихъ меня лекцій профессора Іеллинека. Въ этотъ семестръ профессоръ Іеллинекъ читалъ три курса: 1) *Einführung in die Rechtswissenschaft*; 2) *Geschich-*

te der politischen und socialen Theorien; 3) Allgemeines und deutsches Reichs=und Landesstaatsrecht. Кроме того профессоръ Йеллинекъ вель еще семинарій по публичному праву, — *Uebungen im öffentlichen Recht (Staats=Völker=und Verwaltungsrecht)* mit schriftlichen Arbeiten. Первые два курса имѣють непосредственное отношеніе къ читаемымъ мною лекціямъ по энциклопедіи юридическихъ и политическихъ наукъ, вслѣдствіе чего я обратилъ на нихъ особое вниманіе.

Введеніе въ правовѣдѣніе излагается профессоромъ Йеллинекомъ, какъ и другими нѣмецкими профессорами, примѣнительно къ планамъ университетскаго преподаванія права, выработаннымъ Эйзенахской конференціей¹⁾. Сначала дается сжатое общее ученіе о правѣ, а затѣмъ слѣдуютъ конспективные, или точнѣе, проспективные очерки всѣхъ отдѣльныхъ юридическихъ дисциплинъ. Мнѣ пришлось прослушать въ нынѣшнемъ году такіе очерки по гражданскому, уголовному и процессуальному праву. Благодаря талантливости лектора, слушались эти очерки съ интересомъ. Не смотря на это, примѣръ подобныхъ чтеній не подѣйствовалъ на меня увлекающе. Напротивъ того, я лишній разъ убѣдился въ правильности вполне раздѣляемаго мною мнѣнія Н. М. Коркунова, признающаго чтеніе подобныхъ проспектовъ совершенно бесполезнымъ для начинающихъ юристовъ, которымъ нужны обстоятельныя свѣдѣнія изъ общаго ученія о правѣ и о государствѣ, а не калейдоскопъ всѣхъ юридическихъ дисциплинъ. Это сознають и нѣмецкіе студенты, и, какъ мнѣ удалось узнать, многіе изъ нихъ не записываются на курсъ введенія въ правовѣдѣніе, который усиленно посѣщается за то посторонними слушателями, выдающимися въ немъ предметъ общаго образованія. Вѣроятно этимъ же объясняется присутствіе на лекціяхъ по введенію значительнаго количества особъ женскаго пола, почти преобладавшихъ въ аудиторіи надъ мужчинами.

Большой интересъ представлялъ курсъ исторіи политическихъ и социальныхъ теорій, изъ котораго мнѣ удалось прослушать вторую

¹⁾ Подъ вліяніемъ этой конференціи, а также правительственныхъ указовъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ относительно измѣненія плановъ университетскаго преподаванія права въ связи съ введеніемъ новаго общаго гражданского уложенія появились уже печатные курсы введенія въ правовѣдѣніе. Первый изъ нихъ по времени принадлежитъ мюнхенскому профессору Грюберу, — *Erwin Grueber, Einführung in die Rechtswissenschaft* въ сборникъ: *Encyklopädie der Rechtswissenschaft*, herausgegeben von *Karl Birkmeyer*, Berlin, 1901. Въ нынѣшнемъ году издалъ такой же учебникъ берлинскій профессоръ Колеръ, — *I. Kohler, Einführung in die Rechtswissenschaft*, Leipzig, 1902.

половину семнадцатаго столѣтія и восемнадцатый вѣкъ. Къ сожалѣнію, курсу этому посвящена была всего одна лекція въ недѣлю, вслѣдствіе чего изложеніе было чрезмѣрно кратко и отмѣчало только важнѣйшіе пункты наиболѣе крупныхъ теорій. Зато курсъ общаго и нѣмецкаго государственнаго права занималъ шесть лекцій въ недѣлю, отличался полной обстоятельностью изложенія и важенъ былъ для меня тѣмъ, что давалъ мнѣ живую картину того юридическаго направиленія, которое я одновременно изучалъ по книгамъ.

Какъ въ прошлое пребываніе мое за границей въ 1900 году, такъ и въ нынѣшнее обратило мое вниманіе при посѣщеніи лекцій одно обстоятельство, именно, то, что лекціи нѣмецкихъ профессоровъ носятъ значительно болѣе популярный, или вѣрнѣе, элементарный характеръ, чѣмъ наши университетскія чтенія. Эта отличительная черта нѣмецкихъ лекцій несомнѣнно не случайна. Еще въ XVIII вѣкѣ Даніиль Неттельблядтъ предостерегалъ молодыхъ ученыхъ юристовъ, чтобы они, посѣщая различные университеты, не судили объ учености профессоровъ ихъ по ихъ лекціямъ. Въ лекціяхъ, говоритъ онъ, должны быть преподаны первыя основы науки; достоинство лекціи заключается не въ особенной глубинѣ учености, а въ систематичности изложенія, въ остроуміи разъясненій и въ основательности доказательствъ. Объ учености же профессоровъ, говоритъ Неттельблядтъ, слѣдуетъ судить не по лекціямъ ихъ, но по печатнымъ трудамъ и по личной бесѣдѣ съ ними¹⁾.

Со времени приведеннаго свидѣтельства Неттельблядта прошло полтора столѣтія, и тѣмъ не менѣе оно остается въ общихъ чертахъ вѣрнымъ. Слѣдуетъ, однако, сдѣлать одно ограниченіе: приведенная характеристика относится всецѣло къ лекціямъ, которыя читаются publice и соотвѣтствуютъ нашимъ обязательнымъ курсамъ. Что же

¹⁾ Позволимъ себѣ привести это интересное мѣсто въ подлинникѣ. Въ статьѣ *Von rechter Einrichtung einer gelehrten juristischen Reise* Неттельблядтъ между прочимъ рекомендуетъ посѣщеніе лекцій въ различныхъ университетахъ, но при этомъ замѣчаетъ: *Hiebey aber muss er (sc. der reisende Rechtsgelehrte) nicht auf dasjenige, was der Lehrer vorträget, so sehen, dass er daraus seine Gelehrsamkeit beurtheilen wolle, sondern vielmehr, in Ansehung der Lehren selbst nur darauf Acht haben, ob er die zu denen ersten Gründen der Wissenschaft, die er vorträget, gehörige Sachen vorbringe, und ob er im Vortrage ordentlich, im Erläutern witzig, im Beweisen gründlich sey, anbey der Vortrag lebhaft und ohne Anstoss geschehe. Denn dieses sind die Tugenden eines guten Lehrers, seine Gelehrsamkeit aber muss man aus seinen Schriften und dem Umgange mit ihm kennen lernen*“, см. *Hallische Beyträge zu der juristischen Gelehrten=Historie von Daniel Nettelbladt*, I. Band, 1755., S. 681—682.

касается лекцій, читаемых *privatim*, то научный уровень их стоит несравненно выше. На этих лекціях нѣмецкіе профессора большею частью читаютъ свои спеціальныя работы, подготовляемыя къ печати, и такимъ образомъ непосредственно приобщаютъ студентовъ къ творческому процессу научной мысли.

Мнѣ думается, что въ основѣ такой постановки дѣла лежитъ вѣрная мысль о томъ, что не всѣ университетскіе слушатели одинаково призваны къ полнотѣ учености. Для среднего студента доступны только болѣе элементарные курсы, и, въ сущности говоря, они для него достаточны. Для тѣхъ же, кто желаетъ и способенъ углубиться въ науку, никакія лекціи не будутъ достаточны. На первыхъ порахъ эти лица нуждаются въ болѣе обстоятельныхъ методологическихъ указаніяхъ и получаютъ ихъ въ монографическихъ, если позволено такъ выразиться, курсахъ, читаемыхъ *privatim*. Но для дальнѣйшаго движенія недостаточно уже слушаніе лекцій, хотя бы даже такихъ, которыя во французскихъ университетахъ носятъ названіе *cours approfondis*. Углубленіе въ научные вопросы возможно не пассивнымъ путемъ слушанія, но активнымъ путемъ самостоятельной работы. Для послѣдней существуютъ въ нѣмецкихъ университетахъ семинаріи, въ которыхъ и происходитъ настоящая ученая, если позволено такъ выразиться, выучка избранныхъ студентовъ.

Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что нѣмецкій университетъ не забываетъ средняго студента и въ дѣлѣ семинарскихъ занятій. Семинаріи дѣлятся поэтому на двѣ главныхъ вида: 1) *Uebungen für Anfänger*, и 2) *Uebungen für Geübtere*. Первые имѣютъ элементарный характеръ. Вторыя представляютъ большое разнообразіе въ степеняхъ научности и объединяютъ подъ своею сѣнью какъ наиболѣе успѣшныя упражненія студентовъ, такъ и самостоятельныя изысканія начинающихъ ученыхъ.

Семинарій профессора Геллинека по публичному праву, который я посѣщалъ, относится къ наиболѣе высокому разряду этого рода. Число его участниковъ не велико, менѣе двадцати человекъ, изъ которыхъ всѣ прослушали не менѣе шести семестровъ и многіе готовятся къ профессурѣ. Среди послѣднихъ преобладали иностранцы, пріѣхавшіе изъ Австріи, Италіи, Греціи, Россіи и даже изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

Обращаетъ на себя вниманіе раціональное устройство семинарскихъ бібліотекъ. Книги изъ нихъ не выдаются на домъ, но предлагаются для пользованія исключительно на мѣстѣ. Каждому изъ участниковъ семинарія выдается отдѣльный ключъ отъ семинарскаго помѣщенія, куда можно ходить заниматься съ восьми часовъ утра до пяти часовъ пополудни. Только такой порядокъ вполне достигаетъ цѣли,

доставляя всякому возможность пользованія всѣми необходимыми пособиями. Выдача же книгъ изъ семинарской библіотеки на домъ не обезпечиваетъ надлежащимъ образомъ пользованія ими для нѣсколькихъ человѣкъ, работающихъ по одному и тому же вопросу.

Въ настоящемъ отчетѣ у меня нѣтъ возможности заняться изложеніемъ по существу того, что сдѣлано мною лѣтомъ для диссертации. Интересы послѣдней заставляютъ меня не оглашать отдѣльныхъ ея частей впредь до окончанія моей работы въ такой степени, когда ее можно будетъ отпечатать полностью.

Исслѣдуя разнообразный матеріалъ для основной темы, наталкиваясь попутно на отдѣльные побочные вопросы, а также встрѣчаясь различными данными и указанія посторонняго характера, представляющія интересъ постольку, поскольку они не были до сихъ поръ отмѣчены въ литературѣ соответственныхъ вопросовъ. Одинъ изъ побочныхъ вопросовъ — объ университетскомъ преподаваніи государственной практики и канцелярской науки — привлекъ къ себѣ мое вниманіе настолько, что я составилъ о немъ небольшую статью, которую представилъ уже въ Факультетъ для напечатанія въ Университетскихъ Извѣстіяхъ. Нѣкоторыя же отдѣльныя замѣтки посторонняго характера позволю себѣ привести въ настоящемъ отчетѣ.

I. Въ одной диссертации конца XVII вѣка я нашелъ актъ, относящійся къ XIII столѣтію, въ которомъ упоминаются славянскіе смерды.

Ioh. Schilter, Diss. de Fine et objecto iuris publici Romano-Germanici, Argentorati, 1696., § XLV:

Porro homines proprii etiam nobiles solenniter quoque manumittuntur. Cujus rei non contemnendum antiquitatis Germania monumentum de A. C. 1279. Nondum impressum ex authentico exhibemus:

Nos Otto Burggravius de Kirchberg, de pleno nostro arbitrio, omnibus hoc scriptum intuentibus, notum esse volumus, quod nos Th. et Vitgonem fratres de Contizee, ex ipsorum servilitate nobis in iure *Smurdorum* ab antiquo astrictos, manumittimus a tali late et libere servitute, et conferimus ipsos coenobio sanctimonialium in Kapillendorff. Datuos ipsos singulis annis solidum denariorum in festo beati Michaelis, monetæ illius fori. In huius modi manumissionis testimonium perbennale, et ut talis donatio a nostris imposterum non passit impugnari præsentem litteram fecimus conscribi et nostro sigilli munimine fecimus roborari. Huius rei testes sunt Mehardus de Lesten, Gottfridus miles de Kirgebere, Heinricus miles de Gene, Albertus de Svabebusen, Wiricus de Kirchberg, Th. Rize et alii quam plures fide digni. Dat. in Castro Witberg (leg. Wintberg). Anno Domini M. CC. LXXIX. Sexto Id. Junij.

Ius smurdorum et re et nomine hodie ignotum. Videntur autem Smurdi fuisse genus Sclavorum seu Soraborum ad Salam habitantium et a Germanis in servitutem redactorum. Certe recensentur inter illos etiam Svordi et Svardones, Brotuss. Chron. Mersburg. l. 1. c. 14.

II. I. I. Мозеръ посвятилъ специальную статью вопросу о происхожденіи и необходимости признанія російскаго императорскаго титула. Въ литературѣ вопроса статья эта не упоминается, поэтому отмѣчаемъ её:

J. J. Moser, Reflexiones über derer Russischen Monarchen Titul eines Autocratoris, въ его *Nebenstunden von Teutschen Staatssachen*, Frankfurt und Leipzig, 1757., Zweyter Theil, Anhang, S. 285—304.

III. Ст. Пюттеръ въ своей автобіографіи дѣлаетъ указаніе на то, что, приступая къ трудамъ по составленію новаго уложенія при Екатеринѣ II, русское правительство обращалось за содѣйствіемъ къ Геттингенскимъ профессорамъ. Отмѣчаемъ это указаніе въ виду того, что въ послѣднее время у насъ поднятъ вопросъ о заимствованіи нѣкоторыхъ статей Наказа изъ сочиненій нѣмецкихъ государствовѣдов¹⁾.

Noch geschah endlich ein ehrenvoller Antrag an mehrere hiesige Professoren, der auch an mich gerichtet wird. Es hatte nemlich der Russisch-Kaiserliche Hofrath Johann Georg Model, der mit dem hiesigen Leibmedicus Vogel im Briefwechsel stand, (1766. Sept. 5) demselben geschrieben: „Ihro Russisch-Kaiserlicher Majestät seyen zu Allerhöchst dero gefasstem Vorhaben ein allgemeines Gesetzbuch zu errichten unter andern die hiesigen Professoren Ayser, Meister, Achenwall und Gatterer vorgeschlagen worden, worin Sie durch Personen ihres Hofes, die vor kurzem selbst in Deutschland gewesen, noch mehr bestärkt sey. Ihm sey also von zweyter, jedoch vornehmer Hand, aufgetragen, durch einen Freund, wozu er den Leibmedicus Vogel ausersehen habe, sich zu erkundigen, ob vorgenannte Männer allersamt oder auch einige von ihnen sich wohl entschliessen möchten nach Petersburg zu kommen? Sie sollten als dann von Ihro Kaiserlichen Majestät und dem General-Procureur des Russischen Reichs (dem Fürsten Wazemskoy) abhängen. Ihre Hauptverrichtung sollte seyn, Consulanten in den allgemeinen Gesetzsachen abzugeben. Wann die Sache zu Stande gebracht seyn würde, sollten ihnen andere anständige Verrichtungen angewiesen, oder auch die Rückkehr in ihr Land gestattet werden. Er bitte also darüber ihre Vorschläge und Conditionen zu vernehmen, und ihm in baldiger Antwort mitzutheilen“.

¹⁾ См. Н. Д. Чечулинъ. Объ источникахъ Наказа, *Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1902 г., Апрель, стр. 292—298.

In den darauf ertheilten Antworten, die der Leibmedicus Vogel (1766. Oct. 22) an seinen Correspondenten einschickte, hatten die vier Männer sich geäussert, ob es nicht hinlänglich seyn würde, ihren Beyrath von hieraus schriftlich zu ertheilen. Nur der Hofrath Ayser hatte sich allenfalls selbst zur Reise erbötig erklärt. Nun erwiderte der Hofrath Model (1766. Nov. 2): dieses letztere Erbieten habe die Kaiserin allergnädigst aufgenommen, und befohlen wegen der Reisekosten, sobald sie verlangt würden, zu sorgen. Des angebotenen Raths in Abwesenheit sich zu bedienen würde aber zu weitläufig und zu der habenden Absicht nicht hinlänglich seyn.

Diesem Schreiben war jetzt noch ein anderes an mich beygefügt, worinn Herr Model mir schrieb: „der dem Leibmedicus Vogel eröffnete Antrag sey auch absonderlich an mich ihm aufgetragen, mein Name aber aus blosser Versehen von ihm in Eile ausgelassen worden; er könne aber mit dem Concepte beweisen, dass der Auftrag auch an mich gerichtet seyn solle. Er sey erst aus den erhaltenen Antworten seinem begangenen Fehler gewahr geworden, der nur der Menge seiner Geschäfte anzurechnen sey. Er bitte also jetzt noch, auf die an den Leibmedicus Vogel von ihm beschriebenen Anträge mich zu erklären, ob ich mich zur Reise nach Petersburg entschliessen wolle?“

Meine Antwort war (1766. Dec. 27), wie leicht zu errathen: dass ich zwar den Werth des Antrages nach allen Umständen in tiefschuldigster Verehrung gebührend zu schätzen wüsste; jedoch bedauern müsste, dass meine Umstände mir nicht gestatteten eine so weite Reise zu unternehmen; zumal da ich in Fortsetzung meines bisherigen Berufs die Beruhigung fänge, dass es eine nicht weniger gemeinnützige Arbeit sey, auf einer Universität, wie die hiesige sey, der studierenden Jugend mit treuem Unterrichte zu dienen“. См. *Johann Stephan Pütter*, Selbstbiographie, Göttingen, 1798., S. 487—489.

Θ. Тапаноскиū.